

О.Ф. Бармотова

Я еще живая – из репрессированных в 1941 году в Бессарабии. Меня в возрасте 21 года выслали вместе с родителями. Кого это зверство не касалось, те читают сейчас о нем, некоторым уже надоело читать, потому что их террор обошел, а чужое горе не трогает. 13 июля 1941 года нашу семью разбудил в два часа ночи лай собак. Я приехала домой на летние каникулы, учительствовала в 26 километрах от родителей. В дом вошли три солдата НКВД с автоматами и двое мужчин – понятых. Зачитали нам бумагу о том, что по распоряжению партии и правительства нас высылают из Молдавской республики на неопределенный срок. Нам было дано право взять на трех человек 50 килограмм груза, а на все имущество составить доверенность и оставить, кому доверит отец. Все это было зверство и обман от начала до конца, и я авторитетно заявляю, что длится это для меня до сих пор.

Мой отец, Гуцу Федор Лукьянович, 1887 года рождения, уроженец села Рубленица в Бессарабии, где жили его прадед, дед, отец. Мама, Наталья Петровна, тоже 1887 года рождения, была из города Могилево на Украине. Я, тогда Гуцу, Олимпиада, родилась в 1920 году.

Выгнали нас из дома оружием, а на улице нас ждала телега и пара лошадей. До сих пор у меня в ушах раздается вой двух собак, которые завывали нам вслед. Замычала корова, лошадка прощалась с нами долгим ржанием.

Повезли нас неизвестно куда, вначале до станции Флорешти. Погрузили в скотские вагоны. Вошли сотрудники НКВД, забрали всех мужчин, сказав, что они поедут вперед готовить жилье своим семьям. Слова «арестованы» не произносили. Куда их увезли, мы узнали примерно в 1964 году. Увезли их в лагерь Ивдель Свердловской области на лесоповал. В этом лагере отец умер 5 ноября 1941 года от голодного поноса. Мне удалось встретиться с узником этого сталинского лагеря, который выполз оттуда, будучи активным. Это Глушкевич Степан Николаевич.

Он рассказал мне, как их везли. Битком набили вагоны, можно было только стоять. От духоты были раздеты догола. Им бросали селедку и немного воды. Многие умирали в пути, мертвых вытаскивали, как собак, и куда их отправляли, не известно.

Под Полтавой на большом поле у монастыря всех выстроили, окружили с пулеметами и собаками и послали телеграмму нашему «отцу» Сталину с вопросом, как поступить с врагами народа? Ответ был: «Увезти их на самые тяжелые работы в Уральские горы на лесоповал». Там паек был – 300 грамм хлеба, баланда; это только при выполнении нормы.

В лагере было 47 тысяч узников, судили их тройки НКВД по списку, отцу дали два года как социально опасному. Живых в лагере осталось 700 человек, и те, доведенные до изнеможения. Хоронили в траншеях, раздев до нижнего белья, а некоторых даже без белья. Клади трупы не рядом, а друг на друга.

Из Бессарабии 13 июля 1941 года сослали 120 000 человек в одну ночь. Меня и маму везли в таких же условиях. Вокруг нас остались женщины без мужей, а у них от пяти до восьми душ детей, все босые и голые. Привезли нас в Таштагольский район на прииск Спасск. Видела я, как наша соседка по деревне Маня Матрена Ивановна, мать пятерых детей, рожала шестого под забором на улице маленькой станции Таштагол. Мы все стояли вокруг нее стеной, чтобы люди, проходившие мимо, не все видели.

В прииске наших отцов не оказалось. Через некоторое время погрузили нас на баржи, сразу три тысячи человек, и повезли по Оби на север. Первая остановка была в Шегарке. По списку вызвали меня и маму, мы вышли. Повезли нас в село Гынгазово Шегарского района, без одежды, питания и жилья, без человеческих прав и все время страшали, что отправят еще дальше.

Учительствовать мне не разрешили как врагу народа, на учебу в Томск не пустили, сказали, чтобы взяла в руки лопату. Набирала побольше и кидала подальше. Я, мол,

достаточно грамотная и в Сибирь меня прислали не для того, чтобы развозить по институтам.

Выезжать из деревни мы не имели право, кто выезжал, тех ловили и садили в КПЗ.

Мама умерла 22 декабря 1946 года, пока я ходатайствовала о праве выезда в Шегарку, у нее нарвало ухо. Мама умерла, и я осталась одна в ответе за отца и маму.

Боже мой, сколько над нами было надзирателей! В Мартемьяновке на три человека – один, по фамилии Басов. Все без образования, без души, без сердца. В Шегарке были – Барабаш, Сальников, Кудрешов, Каплан, Охира. Вспомнила про Каплан, пишу и плачу. Ловят меня в Шегарке, ведут к нему – здоровый мужик, наверное, метр девяносто в высоту, с кудрявой головой. Поднялся со стула, стукнул кулаком по столу и крикнул: – «Сгною тебя в тюрьме!».

Я была беременна, и дома оставался маленький мальчик. Думала, он меня стукнет, стыдно было до слез – я от страха перед ним обмочилась и ...извините меня за подробности, но как обидно было и как хохотали те, что меня арестовывали!

Жила все время с большим страхом и до сих пор боюсь. Родителями своими гордилась и горжусь и никогда не скрывала свое происхождение. Родители мои были эталоном порядочности, доброты, честности и трудолюбия.